

ШАМАНЫ, АНГЕЛЫ И ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ: КНИЖНЫЕ НОВИНКИ СЕНТЯБРЯ

ТАТЬЯНА СОЛОВЬЕВА
Литературный критик. Родилась в Москве, окончила Московский педагогический государственный университет. Автор ряда публикаций в толстых литературных журналах о современной

русской и зарубежной прозе. Руководила PR-отделом издательства «Вагриус», работала бренд-менеджером «Реданции Елены Шубиной». Главный редактор издательства «Альпина. Проза».

ЭМИР КУСТУРИЦА, «МЯТЕЖНЫЙ АНГЕЛ» («АЛЬПИНА.ПРОЗА»)

«Мятежный ангел» Эмира Кустурицы — это роман-эссе, посвященный Петеру Хандке. Именно он тот самый ангел, вынесенный в название. Эмир Кустурица сравнивает его с Насилем из «Неба над Берлином», ангелом, способным видеть человеческие страдания и надежды. Но как всегда в литературе, все немного сложнее. Хандке — герой, повод для разговора, или, точнее, монолога. А сам монолог получился о творческих силах, о жажде жизни, побеждающей войну и смерть, о свободе, которая наиболее явно чувствуется в детстве. Потом, в течение жизни, мы лишь сравниваем нашу свободу с тем недостижимым детским идеалом, пытаемся хоть немного к нему приблизиться. А еще это роман о времени, которое представляется величайшей философской загадкой. Петер Хандке, как многие мыслители и писатели, предлагает свою концепцию времени, в то время как Кустурица, обращаясь к детским и более поздним воспоминаниям, говорит о том, что кино для него стало не чем иным, как попыткой остановить, запечатлеть время, создать его живой слепок. Вообще такая остановка — одна из главных целей искусства, будь то литература, живопись, фотография. Подлинные шедевры ведут читателя/зрителя/созерцателя за пределы времени. Нульминацией размышлений о мифологической природе, религиозных доктринах и календарной системе (все это способы упорядочения времени в разные эпохи и в разных цивилизациях) становится сцена, связанная с вручением Петеру Хандке Нобелевской премии. Развитие цифровых технологий, по мысли Кустурицы, моделирует технократическую цивилизацию, иллюзорный мир фантомных фантазий, лишаящий людей подлинной глубины внутренней жизни. И только искусство может этому противостоять.

«Хранить тайну небесно-голубого спутника было нелегко, но я боялся, что друзья засмеют меня и решат, что по мне плачет психушка. Меж тем маленький спутник превратился в настоящее чудо, и мне в конце концов стали безразличны насмешливые взгляды сверстников.

Голубой спутник кружил в небе, словно им управляла сила моего желания! Вскоре дело приняло новый оборот. Мы с ним оба поверили в то, что он стал независимым и летает сам по себе. То, что чудо-спутник рожден ребяческим порывом выделиться из компании сверстников, было предано забвению. Впоследствии небесно-голубому спутнику удалось то, чего не могли добиться мои отец и мать. Утренний подъем с кровати был для меня – и до сих пор остается – трудной задачей. Ни отец, ни будильник не могли выволочь меня из мира снов и отправить в школу, а крышка от кастрюли выпала роль, которую годы спустя мое поколение признало за песней “Роллинг Стоунз” Start Me Up!

Крышка врывалась в комнату, щелкала меня по носу и по лбу и тут же исчезала. А я просыпался, словно ужаленный электрическим током, как рыба, которую бьют браконьеры. Правда, рыбы от этого погибали – я же, уминая ломоть поджаренного хлеба, спешно надевал школьную форму и несся к первому уроку. Поначалу, когда главнее всего для меня был футбол, крышка взяла за обычай повисать в метрах над головой во время тренировок на стадионе Футбольного клуба Сараево. Приятели подтрунивали надо мной, ведь я “говорил сам с собой, глядя в небо”!».

ФЕРНАНДО СЕРВАНТЕС, «КОНКИСТАДОРЫ. НОВАЯ ИСТОРИЯ ОТКРЫТИЯ И ЗАВОЕВАНИЯ АМЕРИКИ» («АЛЬПИНА НОН-ФИКШН»)

Исследование Фернандо Сервантеса посвящено истории завоевания Америки и рассказывает о вознесении Севильи и испанской империи в XVI веке. Севилья из незначительного региона вдруг стала центром великой империи благодаря открытиям Колумба и завоеваниям, которые привели к покорению ацтеков и инков. Исторический образ испанских конкистадоров менялся от уважения и восхищения «ахиллесовыми подвигами» до осуждения их как жестоких переселенцев, совершивших геноцид. Хотя осуждение их действий часто основано на современном чувстве стыда за колониализм, самих конкистадоров, по мнению Сервантеса, следует оценивать, учитывая позднесредневековую религиозную культуру. В книге автор ставит своей задачей поместить конкистадоров в исторический и культурный контекст их времени, чтобы сделать попытку оценить их действия наиболее объективно, без налета позднейшей морали. Завоеватели, стремившиеся «послужить Богу и королю, а также разбогатеть», действовали в мире, где добро и алчность могли мирно сосуществовать. Испанская колониальная система имела много общего с монархией, гарантируя каждой провинции ее привилегии. Монархи старались соблюдать общность интересов с региональными группами. Этот подход обеспечил длительное существование испанских вице-королевств, что современным людям, живущим в эпоху неделимого суверенитета, трудно осознать. Несмотря на историческую тенденцию к секуляризации после религиозных войн, испанская политика продолжала строиться на религиозной культуре. Большинство попыток со стороны государства навязать религиозные нормы приводили лишь к временным и неэффективным последствиям.

Религиозная культура барокко продолжала процветать. Колониальная система Испании, часто критикуемая за жестокости конкистадоров, фактически поддерживала местные культуры. Реформы XIX века, отменившие эту систему, сделали коренные народы более уязвимыми к эксплуатации. Все это необходимо учитывать, говоря о конкистадорах сегодня.

«В Старом Свете известие о триумфе Кортеса было встречено без особого интереса. В этом не было ничего удивительного: новости шли долго и их не сопровождало то единственное, что раньше привлекало внимание императора, – сокровища. Это было странно, поскольку Кортес сумел захватить у Куаутемока изрядные богатства; больше того, вместе со своей третьей реляцией Карлу V от 15 мая 1522 г. он послал огромную партию ценностей, включавшую 50000 золотых песо, много драгоценных камней и нефрита, большое количество разнообразных подарков для сановников, церквей и монастырей, трех живых ягуаров и даже несколько костей, предположительно оставшихся от мифических гигантов. Кортес явно выставлял себя меценатом эпохи Возрождения, готовым вознаграждать каждого члена Королевского совета Кастилии, включая даже самого епископа Хуана Родригеса де Фонсеку. Дары, которые Кортес направил этому своему непримиримому врагу, дают нам хорошее представление о его расчетливой щедрости: два епископских одеяния, одно синее, с широкой золотой каймой и воротом с роскошными перьями, другое зеленое, с воротом, украшенным экзотическими масками; четыре декоративных щита, один из которых – с расположенным в центре рубином; герб из крупных зеленых и золотых перьев; коллекция сделанных из настоящих перьев чучел попугаев с золотыми клювами. Если бы все это достигло места назначения, случился бы настоящий фурор, но этого не произошло».

АБДУЛРАЗАН ГУРНА, «ВЫСОХШЕЕ СЕРДЦЕ»
(«СТРОНИ»)

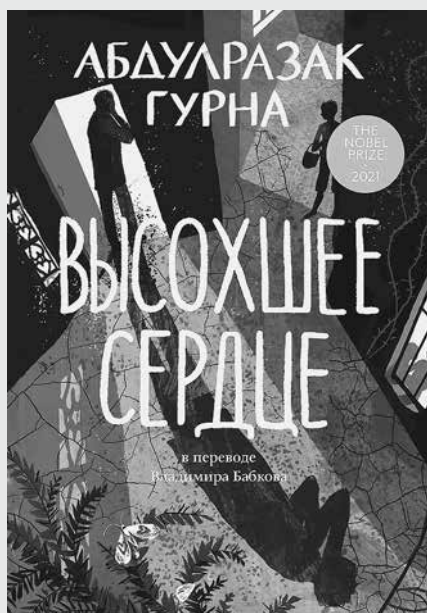
Абдулразан Гурна верен себе и «своим» темам в литературе: постколониальный дискурс, тоска по Занзибару, семейные тайны. Когда главному герою романа Салиму было семь лет, его отец ушел из семьи. Ушел странно, не в другую семью, а словно «на улицу», и это событие стало исходной точкой бесприютности Салима, его перманентного одиночества и неприкаянности в любом месте на Земле. Поэтому он словно перестает быть главным действующим лицом в своей жизни, плывет по течению и позволяет другим решать его судьбу. Дядя Амир увозит его в Лондон (как узнает читатель, не совсем бескорыстно, но все же не из самых плохих побуждений), и здесь юноша вынужден отчаянно, в постоянной тоске по родине, искать себя. Он будет много писать матери, но настоящие письма останутся неотправленными, познакомится с другими эмигрантами, которые так же трудно ищут свое место в мире, но и среди них он чувствует себя одиноким и чужим.

Единственным доступным и приятным ему способом познания мира и себя в нем становится художественная литература. Неслучайно название романа Гурны отсылает нас к одной из пьес Шекспира — «Мере за меру». Но окружающая юношу реальность отличается от литературной слишком сильно — и в Лондоне, и на Занзибаре, куда ему предстоит однажды вернуться. Литература как образ мысли и предполагаемая профессия противопоставлена в романе экономике и бизнесу — областям, изучение которых дядя Амир считает наиболее подходящим и перспективным для Салима, но к которым он оказывается совершенно неспособным. Постоянные контрасты и противопоставления: Лондона и Занзибара, бизнеса и филологии, литературы и жизни, отца Салима и нового мужа его матери — отличают роман Гурны, который поддерживает ощущение «зависания» героя в некотором междумирье, откуда не так-то просто вырваться. И как обычно у писателя, от узнавания семейных тайн легче не станет, но сделать несколько шагов к себе настоящему получится.

«Но переезд в Лондон оказался для него неудачным. Мать говорила, что это случилось слишком поздно, все его существо хотело быть в Индии — его разум, его руки и ноги, а прежде всего душа. Она часто говорит в таком духе. При первой возможности переключается на метафоры, тем более если речь идет о чувствах. А по особым поводам пишет стихи на хинди — про любовь, долг, материнство и жертвы, все такое нравоучительное, похожее на молитвы, насколько я представляю. Они довольно неплохие, если тебе нравятся такие тяжеловесные вещи.

— Какие тяжеловесные вещи? — спросил я.

— «Жизнь и радость порождаются неразумием, отворяющим двери бесконечности. Я падаю ниц перед любовью и мудростью нашей небесной повелительницы». Что-то вроде этого, — сказала Билли. — Я не знаю, правда ли папа не хотел покидать Индию, но в Лондоне его здоровье стало быстро ухудшаться, и через два-три года он уже больше не работал. Он был старше матери, но еще не пенсионного возраста, когда бросил работать. Ему было пятьдесят девять — кто теперь умирает так рано? Погляди на нашу тетю Холли, да и обоим родителям моей матери уже за восемьдесят».

ВЕРА БОГДАНОВА, «СЕМЬ СПОСОБОВ ЗАСОЛКИ ДУШ» («БУКМЕЙТ»)

Популярный сегодня жанр аудиосериала представляет собой гибрид традиционной романной формы и сценарной динамики, и «Семь способов засолки душ» — яркий пример такого жанра. В этой истории соединились традиционные для прозы Веры Богдановой темы отношений дочери с родителями, домашнего насилия, порождающего насилие и вне дома, границы психологической нормы и ее социального восприятия, — и история, рассказанная словно на двукратном ускорении. То, что могло бы стать немаленьким романом, по закону жанра оказалось небольшой повестью — и поэтому на поворотах читателя будет изрядно заносить. Такие скорость, фрагментарность, монтажные склейки не позволяют читателю не только отвлечься, но и иной раз даже выдохнуть. Сцены, которые в традиционном романе в жанре психологического триллера могли бы занять целую главу, а то и несколько, здесь ужимаются в пару страниц рассказа одного героя другому. Главная героиня — Ника, девушка с психиатрическим диагнозом, чудом спасенная в детстве от смерти, дочь шамана, лидера жуткой секты «Сияние». Жизнь Ники состоит из мучительных воспоминаний о прошлом, наполненном манипуляциями и насилием в «Сиянии», галлюцинаций и раздвоения личности. Она приезжает в город детства Староалтайск, чтобы встретиться с матерью и найти ответы на не отпускающие ее вопросы. Через воспоминания героини и описание происходящего в настоящем, когда Ника через много лет после смерти отца берется за дилетантское расследование, показано, как сектантские движения и их ритуалы воздействовали на Нину и других девушек, доводя до глубокой депрессии и самоубийств. Ритуальные жертвоприношения, связи с несовершеннолетними и прочие ужасы заставляют содрогнуться, но кажется, существование таких сект выгодно слишком многим людям,

чтобы прекратить их существование. Нина, убегая от призраков прошлого и людей, которые ассоциируются с этой моральной и физической жестокостью, все же продолжает искать правду и пытаться найти объяснение, что заставило ее отца все это устроить.

«Я помню, как одна из послушниц села рядом с отцом и положила руку на его бедро. К нему многие хотели прикоснуться, но она сделала это с каким-то особенным вызовом. Как будто имела на него право. Она знала, что я все вижу и остальные видят. Не открывая глаз, отец сказал ей, что теперь ее дух не воссияет никогда и нечего ей делать с нами. Девушка расплакалась, сказала, что себя накажет, но отец был неумолим. Она ушла, и больше я ее не видела.

После медитации отец всталал и говорил мне: пойдём, Оюна. Не знаю уж, зачем он выбрал мне бурятское имя. Мне кажется, ему просто нравилось поступать и говорить не так, как все, и никакой причины для этого не требовалось. Например, когда его спрашивали, откуда он, отец любил рассказывать, что его мать была буряткой и общалась с духами. Другим он говорил, что ненец, третьим – что родом из Хакасии, а четвертым отвечал, что разницы нет, откуда человек, главное – какой в нем дух».

АСЯ ДЕМИШНЕВИЧ, «ПОД РЕНОЙ» («АЛЬПИНА.ПРОЗА»)

Истории про маньяков — тренд этого сезона. Примечательно, во-первых, что все они писались примерно в одно и то же время и вышли с небольшим временным лагом, а во-вторых, что это получились очень разные истории несмотря на некоторое сюжетное сходство. Речь о «До февраля» Шамила Идиатуллина, «Детях в гараже моего папы» Анастасии Мансимовой, разобранных выше «Семи способах засолки душ» Веры Богдановой и этой книге — «Под реной» Аси Демишневич, которая получила премию «Лицей» в номинации «Выбор книжных блогеров». Все эти книги фокусируются не на самих маньяках, как было принято на волне интереса к жанру триллер, а либо на жертвах, либо на детях преступников, которые, с одной стороны, ни в чем не виноваты, но с другой, вместе с осознанием того, что совершили их отцы, принимают на себя груз ответственности за этот ужас. У героини Аси Демишневич Ниры отношения с отцом не ладилась с самого детства. Но одно дело — смириться с тем, что твой отец не очень хороший человек и избегать общения с ним, и совсем другое — после его смерти найти страшные вещественные доказательства его деяний. Роман Аси Демишневич — о черной дыре, разверзающейся в душе Ниры, которая оказывается перед странным и страшным моральным выбором — молчать или говорить, и если говорить, поможет ли это хоть кому-то или сделает только хуже (хотя нуда уж хуже)? Новое знание меняет отношения Ниры не только с мертвым отцом, но и с сестрой и с матерью. То, как они принимают новую реальность, наглядно показывает, какая пропасть отделяет от них Ниру, и тем не менее и с этой черной дырой, и с этой пропастью ей предстоит жить.

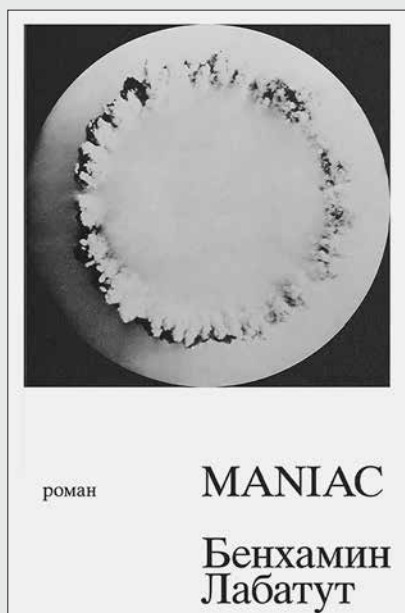
«Утопленники никуда не исчезли, даже когда я повзрослела. Они так долго живут в Дивногорске, что становятся почти обычными людьми: ходят за хлебом, кормят им уток на Набережной, катаются на горных лыжах со Слаломной горы, пьют пиво на скамейках во дворах, отводят своих утопленных детей в школы — сливаются со всеми остальными, так что и не отличишь. Они безнадежно застряли здесь, не смогли найти дорогу домой.

Я больше не боюсь их, но вечерами, в сумерках, чувствую, как город заполняет их тоска, она поднимается вместе с туманом от Енисея, скрывает горы, движется от Набережной к Комсомольской, от Комсомольской к Бочкина, от Бочкина к Чкалова и наконец добирается до моей пятиэтажки. Тоска заползает через открытые форточки в квартиру, касается меня множеством холодных, влажных и требовательных рук, и я тоже чувствую себя бездомной, сидя в своем доме в собственной кровати».

СБОРНИК «ТЕЛО» («РЕДАКЦИЯ ЕЛЕНА ШУБИНОЙ»)

В серии коллективных сборников «Редакция Елены Шубиной» новинка — книга о телесном и телесности, которые в искусстве традиционно противопоставляются духовному. Однако не только противопоставляются. Эти — очень разные — истории (и стихотворения) показывают, что тело может восприниматься и как отправная точка, и уж точно как вместилище духовного опыта. Часто это опыт детский, впечатывающийся в сознание наиболее ярко и остро, как, например, в рассказах Марины Степновой, Алексея Сальникова, Веры Богдановой, Анны Матвеевой. Иногда — связанный с родами, то есть появлением новой жизни, предельной в своей остроте и яркости переживаний телесности (Екатерина Манойло, Сергей Шаргунов). Майя Кучерская и вовсе разыгрывает целую пьесу из одного организма, где каждая часть тела получает свою роль. Еще — взросление, инициация, переход из детского тела во взрослое, необратимые жизненные перемены (Даша Благова, Елена Нолина) и, конечно, истории, связанные с болезнями и медициной (Михаил Турбин, Ася Володина). Пестрый налейдоскоп имен, авторских манер и сюжетов — чтение для тех, кто любит короткую прозу: соседство разных писателей под одной обложкой создает интересный контраст

и прекрасно подходит для дробного чтения — перед сном, по дороге на работу, от случая к случаю. Но скорее всего затянет, и надолго забыть книжку на тумбочку не получится.

«Дарина, изогнувшись, лизнула себя в изгиб локтя. Человечина была белой, безвкусной и безыскусной колбасой. Дарина подошла к зеркалу — огромная белая колбаса, вот она что такое.

Несколько вечеров подряд она бродила по рынку, будто призрак, в поисках подходящего материала. Однажды ее взгляд задержался на завернутых тугими, немножко надутыми кольцами бледных колбасах, чуть-чуть напоминающих ее икры и предплечья. Дарина, смущаясь того, что продавщица, свивающая колбасы в тугие и будто невесомые шланги, заметит это сходство, и нарочито безразличным голосом спросила, а что это за колбаса такая.

— Белая колбаса Айя-Браски, — важным голосом сказала, поигрывая колбасой, продавщица.

Смеется надо мной, поняла Дарина. Конечно, смешно, подходит женщина с колбасными такими предплечьями и хочет купить себе немножко еще.

Тут Дарина поняла: она и есть эта колбаса. Надо брать.

(Татьяна Замировская)».

БЕНХАМИН ЛАБАТУТ, «MANIAC» (AD MARGINEM)

После книги «Когда мы перестали понимать мир» нового романа чилийского писателя Бенхамин Лабатута ждали. И он не обманул ожиданий. «MANIAC» продолжает традицию первой, и все же это абсолютно самостоятельный роман. Именно роман, хотя формально это байопик, нон-фикшен, но с изрядной долей художественного допущения и уж точно выстроенный по всем законам драматургии. Этой

книгой Лабатут в очередной раз опровергает слова пушкинского Моцарта о несовместности гения и злодейства, потому что ее герой — величайший мыслитель и ученый Джон фон Нейман, человек, который стоял у истоков современного компьютера и искусственного интеллекта (и это в первой половине прошлого столетия), заложил основы квантовой механики, был родоначальником теории игр, спланировал взрыв атомной бомбы — и это далеко не полный перечень его научных достижений. И этот же человек, умом которого восхищались Альберт Эйнштейн и другие лучшие умы того времени, будучи участником «Манхэттенского проекта», предложил взорвать бомбу в воздухе над Хиросимой, чтобы жертв было гораздо больше, чем при взрыве на земле, он был ярким сторонником превентивного ядерного удара по СССР. Лабатут не просто рассказывает его историю — он пытается понять и объяснить феномен, приблизиться хоть немного к пониманию этого человека, который успеет в науке столько, сколько ни один из его блестящих современников, и умрет в пятидесятитрехлетнем возрасте в страшных муках от саркомы, перед которой окажется бессилён даже его выдающийся ум. «MANIAC» расшифровывается совсем некроважно — по имени одного из построенных Нейманом компьютеров — Mathematical Analyzer, Numerical integrator and Computer; но Бенхамин Лабатут, конечно, закладывает сюда двойной смысл — весьма пугающий. Эта книга — снова о тех темных, неуправляемых, иррациональных силах, которые угрожают человечеству. Развитие технологий неизбежно и несет в себе угрозу, и единственная надежда и сила человека в этом процессе — в его слабости и несовершенстве. Именно потому, что человек способен на спонтанные непросчитываемые поступки, которые самой совершенной машиной расцениваются как «ошибки», у человеческой цивилизации еще есть какие-то шансы. Хоть и довольно призрачные.

«Видеть, как он задействует максимум своих способностей к концентрации, дорогого стоило. Если Янчи задавали интересный вопрос, он тихонечко удалялся в угол и отворачивался от собеседника, ведомый тем же инстинктом, который заставляет животных искать укрытия. Потом он впадал в транс, опустив подбородок и ссутулив плечи, того и гляди провалится сам в себя. Так он стоял какое-то время, что-то бормотал себе под нос, глядел в пол, переминался с ноги на ногу, а потом лихо разворачивался, как фокусник, и сообщал полный, точный и филигранно сформулированный ответ. Понаблюдав за его трюками несколько раз — в такие моменты он весь становился пугающе похожим на какой-то механизм, терял все живое, — я заметил, что обычно он находит решение за три минуты, не больше, изредка ему нужно более пяти минут, какую бы сложную и лихо закрученную задачу перед ним ни поставили. Но когда не требовалось напрягать все силы, он витал в облаках и не задерживался на какой-то одной теме подолгу. Еще Янчи был крайне забывчивым: в сорок он мог процитировать книгу, которую прочел в возрасте шести лет, слово в слово, но при этом не мог вспомнить имена знакомых и коллег, а если кто-нибудь спрашивал, что он ел на завтрак, он впадал в ступор. Мне было ясно: Янчи думает без остановки. Его разум испытывает постоянный голод. За свою карьеру он не раз перепрыгивал из одной области знаний в другую, не зная покоя, как несчастные колибри, которые вынуждены постоянно есть, чтобы не умереть».

КЛЕЛИЯ РЕНУЧЧИ, «ФАБРИКА ВОСПОМИНАНИЙ»
(POLYANDRIA NO AGE)

«Тот, кто выставляет свои воспоминания на аукцион, не теряет ни связанного с ними удовольствия, ни памяти. Приобретатель волен переживать воспоминание столько раз, сколько ему будет угодно, но не имеет возможности влиять на происходящее. Вмешательство в ход событий исключено». Французский исследователь-нейробиолог Шарль Обер придумал систему кодификации, экспорта и дешифровки воспоминаний «МемориПроджент». Благодаря этому проекту покупатели получили возможность снова и снова переживать определенные события, среди которых те, что имеют большое значение для мировой культуры. Теперь даже самый проходной исторический фант обретает бессмертие на совершенно ином уровне, чем это позволяет сделать видеохроника. Журналист Габриэль на аукционе приобретает один из лотов — воспоминания о спектакле «Федра» в постановке Жана-Луи Барро 1942 года на сцене «Номеди Франсез», чтобы дополнить свои материалы для серии передач об инсценировках «Федры». В зале он замечает Ориану, зрительницу, в которую влюбляется с первого взгляда. Но что делать, если с возлюбленной вас разделяет больше полувена? Габриэль одержимо бросается на поиски любой информации об Ориане, прежде всего через «МемориПроджент», и выходит на след итальянского скрипичного мастера Джаномо Франчезе, дочь которого помогла заполнить некоторые лакуны. Этот роман — о невозможности любви, которая даже при своей невозможности торжествует, о силе искусства и подлинном им увлечении, которое и называется жизненным предназначением.

«Габриэль спустился в торговый отдел и, предъявив паспорт, получил воспоминание о "Федре", чип которого был вложен в псевдокнигу с псевдостаринной обложкой. Десять минут спустя Габриэль вышел и набрал номер Сары, которая ехала в автобусе номер 74 в сторону Клиши.

– До следующего автобуса восемь минут, – вздохнул Габриэль. – Забудем об этом, Сара. Мне нужно на работу, – добавил он, раздосадованный тем, что им не удалось поиграть в сыщиков.

– Подожди, – прошептала Сара, приложив руку ко рту. – Он встал и идет к дверям. Я тебе перезвоню.

Она выскочила из автобуса.

Человек свернул на улицу Лежандр, миновал пару кварталов и отпер дверь магазинчика, над обветшалой витриной которого тускнела вывеска: "Уголок искусств, антиквариата и воспоминаний". Выждав минут десять, Сара приблизилась к двери магазинчика и отворила ее».

